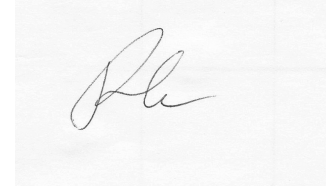

На правах рукописи

Гайдамашко Роман Валентинович

ЛАНДШАФТНАЯ ЛЕКСИКА ФИННО-УГОРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В РУССКИХ ГОВОРАХ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ

Специальность 10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2014

Работа выполнена в словарном отделе
ФГБУН Институт лингвистических исследований
Российской академии наук

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Мызников Сергей Алексеевич

Официальные оппоненты: **Васильев Валерий Леонидович**
доктор филологических наук, профессор кафедры
русского языка Новгородского государственного
университета им. Ярослава Мудрого

Приображенский Андрей Владимирович
кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка Петрозаводского государственного
университета

Ведущая организация: **Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук**

Защита состоится 14 марта 2014 года в 14 часов на заседании диссертационного
совета Д 002.055.01 при ФГБУН Институт лингвистических исследований
Российской академии наук по адресу: 199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер.,
д. 9, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБУН Институт
лингвистических исследований Российской академии наук по адресу: 199053,
г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9.

Автореферат разослан 13 февраля 2014 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

В. В. Казаковская

Исследование освещает вопросы русской лексикологии, диалектологии, этимологии. Основное внимание уделено лингвогеографическому, сравнительно-историческому и сопоставительному анализу ландшафтной лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья.

Актуальность исследования. Выявление, описание и анализ неисконных элементов в диалектной лексике способствует решению многих актуальных лингвистических вопросов и представляет интерес для смежных наук, прежде всего – для истории. Несмотря на влияние просторечия и литературного языка на диалекты, в речи носителей русских говоров сохраняется архаическая лексика, свидетельствующая о древних контактах с финно-угорскими и тюркскими народами. Лексика русских народных говоров требует изучения в русле ареальной лингвистики и этимологического анализа; в частности, вопрос взаимодействия русских говоров и языка коми на лексическом уровне изучен недостаточно и по-прежнему актуален. Сбор и комплексное описание финно-угорских элементов в лексике отдельных регионов позволяет очертить зоны влияния различных финно-угорских идиомов (в том числе и утраченных), а также частично реконструировать их лексические и фонетические системы.

Несмотря на имеющиеся публикации, в которых освещаются вопросы языкового взаимодействия на Западном Урале (А. К. Матвеев, А. С. Кривощёкова-Гантман, Е. Н. Полякова)¹, комплексное исследование максимально возможного по охвату корпуса лексических данных, включая материал русских

1 Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск: Урал. ун-т, 1959. 123 с.; Матвеев А. К. Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 127–142; Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1964. Т. 14, f. 3–4. Р. 285–315; Кривощёкова-Гантман А. С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Вып. 2. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 46–62; Полякова Е. Н. Коми лексика в пермских памятниках XVI – начала XVIII века // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 158–166; Полякова Е. Н. Коми наследие в лексике русских говоров Пермского края // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии (Материалы и исследования). Вып. 3. Пермь: Перм. ун-т, 2009. С. 180–194.

говоров, письменных памятников и ономастики, отсутствует. Обращение к теме продиктовано не только большим количеством лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья (список лексем финно-угорского происхождения, выявленных автором в экспедициях и различных источниках, насчитывает более 3000 позиций), но также социально-экономическими изменениями, ведущими к забвению и утрате диалектного материала.

Целью исследования является комплексное – сравнительно-историческое, сопоставительное и лингвогеографическое – описание лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья на материале тематической группы «Ландшафт».

Объектом исследования в данной работе является ландшафтная лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья. **Предмет исследования** – история и этимология слов, географическое распространение и языковая адаптация ландшафтной лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья.

В соответствии с заявленной целью определены следующие **задачи исследования**: 1) обозначить исторический фон проблемы и установить источники русских говоров Прикамья; 2) провести сравнительно-исторический, сопоставительный и лингвогеографический анализ ландшафтной лексики русских говоров Верхнего Прикамья, рассмотрев лексику финно-угорского происхождения в структуре русских говоров и сопоставив её с локальной и общерусской топонимией; уточнить, дополнить и пересмотреть этимологию отдельных лексем; 3) выявить модели адаптации финно-угорской по происхождению лексики русскими говорами Верхнего Прикамья на уровнях фонетики, словообразования, морфологии и семантики; 4) выделить внутрорегиональные лингвистические микроареалы; 5) дифференцировать типы финно-угорского лексического субстрата в русских говорах Верхнего Прикамья.

Источники. Основу материала составляют авторские полевые записи, произведённые в 41 населённом пункте Верхнего Прикамья с 2006 по 2013 г.

Для сбора материала используются программы собирания сведений для разных атласов, а также авторский вопросник, составленный для выявления в говорах Верхнего Прикамья лексики финно-угорского происхождения.

Кроме синхронных данных используется диалектный материал из **следующих источников**: 1) картотек «Словаря русских говоров севера Пермского края», «Словаря д. Акчим Красновишерского района Пермской области» (кафедра теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национально-исследовательского университета), «Словаря русских народных говоров» и «Лексического атласа русских народных говоров» (словарный отдел Института лингвистических исследований РАН); 2) семи словарей пермских говоров; 3) сводного «Словаря русских народных говоров», ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов (продолжающееся с 1965 г. издание); 4) атласа «Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск», ред. И. А. Попов, Т. И. Вендина (2004 г.); 5) отдельных монографий и статей (А. С. Куклин, А. К. Матвеев, Л. А. Таскаева, А. С. Кривощёкова-Гантман, Е. Н. Полякова и др.).

Для диахронического анализа прикамский диалектный материал привлекается из разных источников – летописных, исторических, статистических сводов и справочников до начала XX в. (см. труды Н. С. Попова, В. Н. Шишонко, А. А. Дмитриева, И. Я. Кривощёкова), а также из исторических словарей, составленных Е. Н. Поляковой. Топонимия региона и сопредельных территорий черпается из словарных, картографических источников, демографических справочников, лингвистических и исторических сочинений. При диахроническом анализе материала на общерусском фоне используются толковые, диалектные, исторические и этимологические словари русского и уральских языков, своды письменных памятников, монографии и статьи, посвящённые заимствованиям в русских говорах. При реконструкции субстратных этимонов привлекаются исследования по исторической грамматике финно-угорских языков.

Методы исследования, применяемые в работе: методы сравнительно-исторической лингвистики, описательный метод, методы ареальной лингвистики. **Методы сбора материала** для исследования: полевой сбор со специальным вопросником и подготовленными к заполнению географическими картами по запланированной ранее сетке населённых пунктов, в русских говорах которых финно-угорский субстрат подвергается забвению, а также сплошная или частичная выборка из словарей, лингвистических атласов, соответствующих картотек и исследований.

Научная новизна исследования состоит в следующем: 1) представлен опыт систематизации и комплексного анализа финно-угорской по происхождению ландшафтной лексики в русских говорах Верхнего Прикамья с учётом материалов письменных памятников, топонимии и русских говоров: всего анализируются 203 прикамские лексемы (из 76 лексических гнезд), относящиеся ко многим областям ландшафтной лексики – к наименованиям лесных массивов и лесных локусов, к гидрографической, тельмографической, орографической терминологии и др.; в итоге к сопоставлению привлекается более 2500 русских лексических форм – онимов и диалектных апеллятивов; 2) получены сведения по русским говорам Прикамья: для ряда известных ранее диалектизмов фиксируется расширение ареала, отмечаются иные фонетические, акцентологические, словообразовательные, морфологические и семантические варианты и дериваты; предлагаются новые этимологии для 22 лексем, вносятся уточнения и дополнения к существующим этимологическим решениям у 16 диалектных слов, а также впервые разрабатывается этимология у 7 лексем; 3) совершена попытка ареальной дифференциации и хронологической стратификации типов финно-угорского субстрата в русских говорах Верхнего Прикамья на материале ландшафтной лексики, очерчены внутрорегиональные лингвистические ареалы; 4) в отдельных случаях на основе субстратного наследия в русских говорах Верхнего Прикамья реконструируется лексика различных утраченных финно-угорских диалектов.

Теоретической и методологической базой служат труды отечественных и зарубежных специалистов по отдельным областям языкознания – в частности, лексикологии, ономастике, диалектологии, лингвогеографии, теории языковых контактов, теории субстрата. Важны в методологическом отношении труды Я. Калимы, А. К. Матвеева, А. Е. Аникина, С. А. Мызникова.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит вклад в изучение: русской лексики в историко-этимологическом и лингвогеографическом аспектах; Вологодско-Вятской группы говоров севернорусского наречия; лексических систем утраченных северо-восточных и южных коми-пермяцких диалектов, а также западных диалектов мансийского языка.

Практическая значимость работы заключается в том, что исследование может быть использовано в следующих областях языкознания: 1) в синхронической и диахронической лексикологии, так как работа содержит сведения о лексической системе русских говоров Верхнего Прикамья и выводы о формировании лексических особенностей данных говоров; 2) в диалектной лексикологии и лексикографии, поскольку для многих русских слов, представленных в региональных и диалектных словарях, указываются ранее не известные семантика и/или форма, географическое распространение, а также предлагаются новые этимологические решения; 3) в лингвогеографической практике – при составлении лингвистических (лексических, словообразовательных, семантических) и лингвоэтнических карт. Результаты могут быть полезны при историческом и этнографическом изучении роли финно-угорского компонента в формировании русской народности на территории позднего заселения.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ландшафтная лексика русских говоров Верхнего Прикамья представляет собой систему, включающую, помимо исконно русских названий, слова финно-угорского происхождения, которые присущи говорам севернорусского наречия, и субстратную финно-угорскую лексику.

2. Ландшафтная лексика финно-угорского происхождения, повсеместно распространённая в говорах севернорусского наречия и прикамских говорах, фиксируется памятниками письменности и имеет множество вариантов (фонетических, акцентологических, словообразовательных, морфологических и семантических) и дериватов (словообразовательных и семантических). Вариантность и деривационная активность финно-угорских заимствований в русских говорах (и Северо-Запада, и Верхнего Прикамья) возрастает при движении от центральных ареалов к периферийным.

3. Субстратная финно-угорская лексика ландшафта, отмеченная в русских говорах Верхнего Прикамья, имеет узкий ареал распространения и отражает архаическое состояние финно-угорских диалектов.

4. На основе финно-угорского лексического субстрата возможно выделить внутрорегиональные ареалы, сложившиеся в результате продолжительного заселения и освоения Верхнего Прикамья носителями русских говоров, а также последующей ассимиляции ими автохтонного финно-угорского населения.

5. Финно-угорский лексический субстрат образует несколько смежных микроареалов внутри региона, на основе чего среди ландшафтной лексики русских говоров Верхнего Прикамья выделяются такие субстратные типы, как коми (общий), коми-пермяцкий (общий), северо-коми-пермяцкий, южно-коми-пермяцкий и мансийский. В отдельных случаях видны ареалы субстратных финно-угорских диалектов и точки пересечения их изоглосс.

Апробация работы. Основные результаты исследования были представлены в виде докладов и сообщений на XXIII–XXIX Всероссийских диалектологических совещаниях «Лексический атлас русских народных говоров» (СПб., Институт лингвистических исследований РАН; Русское географическое общество, 2007–2013 гг.), Отчётных конференциях студентов, аспирантов и молодых учёных филологического факультета Пермского государственного университета (Пермь, Пермский государственный университет, 2007–2009 гг.), X–XI Межвузовских научных конференциях студентов-филологов (СПб., Санкт-Петербург-

ский государственный университет, 2007–2008 гг.), XLIX–XLII Международных филологических конференциях (СПб., Санкт-Петербургский государственный университет, 2010–2013 гг.), Международном семинаре «Развитие и вариативность языка в современном мире» (Тарту, Тартуский университет, 2010 г.), Академических школах-семинарах для молодых учёных «Современная русская лексикография» (СПб., Институт лингвистических исследований РАН, 2010–2012 гг.), XII Международной конференции молодых филологов (Таллин, Таллинский университет, 2011 г.), Международной научной конференции «Славянская диалектная лексикография» (СПб., Институт лингвистических исследований РАН, 2011 г.), XIV Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Кудымкар, Филиал Удмуртского государственного университета, 2012 г.), Международной научной конференции для молодых учёных «Graduate Conference on Areal Linguistics, Grammar and Contacts» (Тарту, Тартуский университет 2012 г.), а также отражены в 22 публикациях общим объёмом 10,04 п. л., 3 из которых (общим объёмом 2,09 п. л.) напечатаны в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Объем и структура диссертации. Работа объёмом 470 стр. состоит из Введения, трёх глав, Заключения, Списка условных сокращений, Списка источников (139 источников, из них 24 – на иностранных языках), Списка использованной литературы (408 наименований, из них 88 – на иностранных языках) и двух Приложений (объёмом 34 стр.), включающих карты и алфавитный указатель русских лексем (апеллятивов и онимов).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, объекта, предмета и ареала исследования, определяется актуальность и научная новизна, теоретическая и практическая значимость, излагаются цели и задачи исследования, характеризуются источники материала, послужившего основой для исследования, описываются принципы подачи материала и применяемые при анализе методы.

В первом разделе **главы 1 «Теоретические, методологические и исторические вопросы изучения лексики финно-угорского происхождения в русском языке»** представлен обзор теоретических и методологических основ исследования. В первом параграфе «Заимствование и субстрат в лексике» рассмотрены явления лексического заимствования и лексического субстрата с попыткой их дифференциации, а также раскрыто значение некоторых терминов. При первичном анализе лексики в работе используется термин «заимствование», то есть, пока не ясны историко-этимологические детали, неисконная лексема квалифицируется как «заимствование», однако в дальнейшем, при подведении итогов, анализируемая лексическая единица обретает более точную характеристику (собственно заимствование / лексический субстрат / лексический адстрат). Используемое в диссертации понятие «лексика финно-угорского происхождения» кроме заимствований из финно-угорских идиомов включает в себя фонетические и семантические варианты, словообразовательные, морфологические и семантические дериваты, возникшие на почве русского языка. Варианты (фонетические, словообразовательные, морфологические, семантические) и дериваты (словообразовательные, семантические) неисконной лексемы важны при этимологизации и потому, что с учётом их географического распространения можно выделить центры, где происходили заимствования, и таким образом наметить пути этимологического поиска. Второй параграф «Субстрат и адстратное проникновение» представляет собой опыт разграничения лексического субстрата и адстрата, который основан на прикамском диалектном материале, собранном автором в экспедициях. В

третьем параграфе «Принципы интерпретации лексического субстрата» перечислены наиболее существенные принципы этимологической интерпретации лексического субстрата, которые основаны на методах ареальной лингвистики. В частности, охарактеризованы центральные и периферийные лингвистические ареалы, обоснован тематический принцип построения словника, а также методологический приём, согласно которому при сравнительно-историческом и сопоставительном анализе заимствований привлекается по возможности вся совокупность сходных или родственных лексических данных (как в синхронии, так и в диахронии), а также учитываются ареалы распространения вариантов и дериватов на всех языковых уровнях русских говоров. Применяя методы ареальной лингвистики в процессе интерпретации лексических заимствований (resp. субстратных апеллятивов) финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада, С. А. Мызников заключил, что, исходя из возможности соотнесения неисконных лексических данных с тем или иным языком-источником (или группой языков), допустимо различить три типа языкового субстрата: 1) полный или действительный субстрат – наиболее ранний по времени возникновения – записанный в различных частях региона, он может соотноситься с тем или иным языковым типом, но никогда не возводится к определённым лексическим данным; 2) неполный субстрат – более поздний, чем полный – сопоставляется с материалом живых языков / диалектов, хотя его ареал находится вне зоны живых межъязыковых взаимодействий (но представляет таковую в прошлом), что отражает былое языковое взаимодействие и последующую этническую и языковую ассимиляцию; 3) адстрат – отмеченный в контактных зонах, он является результатом недавней ассимиляции, обычно обладает большой интенсивностью и узкой локализацией². В четвёртом параграфе «Взаимосвязь топонимии и апеллятивной лексики ландшафта» представлено обсуждение вопросов о взаимосвязи топонимии и апеллятивной лексики ландшафта, приво-

2 Подробнее см.: Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. С. 27–28.

дящее к выводу о целесообразности изучения апеллятивов вместе с ономастикой региона, так как подобное изучение позволяет намечать пути этимологизации лексики – если географический термин в самостоятельном топонимическом употреблении, в виде части сложной атрибутивной конструкции или в качестве топоосновы/топоформанта распространён в топонимии анализируемого региона и не выходит за его пределы, то скорее всего является субстратным.

Второй раздел «Исторические вопросы изучения лексики финно-угорского происхождения в русском языке» включает параграфы «История формирования русских говоров Верхнего Прикамья», «Русские говоры Верхнего Прикамья в макроструктуре русских говоров», «История лексикографического описания и изучения русских говоров Верхнего Прикамья», «История изучения лексики финно-угорского происхождения в севернорусских и прикамских говорах». На основе значительного комплекса языковых особенностей русские говоры Прикамья традиционно относят к восточной (иначе – вологодской, вологодско-вятской, вологодско-кировской) группе в составе говоров севернорусского наречия (или северновеликорусских говоров). Вологодско-вятская группа говоров характеризуется наличием черт севернорусского наречия, северной и северо-восточных диалектных зон, а также рядом явлений, присущих исключительно данной группе говоров. Указывается, что говоры восточной группы по многим характеристикам сходны с поморскими и олонекскими группами, которые также принадлежат к говорам севернорусского наречия. Генетическая связь русских говоров Прикамья с говорами Поморья и Северо-Запада подтверждается сходными явлениями на уровнях фонетики, лексики, словообразования и морфологии, а также сходством лексики финно-угорского происхождения в северо-западных, поморских и прикамских говорах. При этом русские говоры Прикамья характеризуются и уникальными диалектными чертами, что не в последнюю очередь связано с историей освоения Прикамья и особыми условиями этноязыкового взаимодействия. Наиболее значительные результаты в этой области получены в итоге изучения фонетики. Так, например, выделен ряд

фонетических особенностей, присущих исключительно пермскому региолекту (сложившемуся преимущественно на диалектной прикамской основе) и обусловленных влиянием местных финно-угорских языков.

Субстратная финно-угорская лексика, рассмотренная в исследовании, также относится к числу локальных языковых особенностей Прикамья, даже если в редких случаях она обрела дальнейшее распространение в русских говорах Южного и Восточного Урала, Сибири, что связано с относительно поздними (после XVI в.) миграциями русскоязычного населения на восток.

Глава 2 «Ландшафтная лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья: этимологический аспект» открывается разделом, представляющим собой вводные замечания, обязательные перед непосредственной этимологизацией. В данном разделе рассматривается лексика финно-угорского происхождения в прикамских памятниках письменности и в современных русских говорах Верхнего Прикамья на материале разных тематических групп, перечисляются возможные типы финно-угорского воздействия на лексическую систему говоров севернорусского наречия, послуживших основой для прикамских говоров, а также даётся обзор местных (прикамских) финно-угорских субстратных типов.

Во втором – центральном – разделе «Сравнительно-исторический, сопоставительный и ареально-этимологический анализ ландшафтной лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья» впервые предлагаются этимологии для нескольких субстратных финно-угорских слов, в разные годы зафиксированных в русских говорах Прикамья, но прежде не подвергавшихся историко-этимологическому анализу. В числе прочих предложена этимологическая разработка лексем *éгер(-ь)* и *сёрд*.

По данным «Словаря русских народных говоров», на севере бывшей Пермской губернии отмечены лексемы *éгер* (Перм. 1857), *éгерь* (Сол. 1930; Красноуфим.) в значении 'плохой, чахлый сосняк на сыром месте'. Соответствия находятся в коми диалектах: верх.-сыс., вым., ижем., нижн.-вычег., печор.,

удар., ср.-сысол., зюзд. *егыр*, верх.-вычег. *егир*, коми-перм. сев. *егыр*, коми-перм. (в Гайнском р-не) *егырь* ‘заболоченный лес, болотистое место с невысоким редким хвойным лесом’. Данные лексемы являются исконными на финно-угорской почве, так как, имея в своём исходе древний словообразовательный суффикс *-r*, они располагают родственными финно-угорскими лексемами в саамских, прибалтийско-финских, обско-угорских языках или диалектах (при реконструируемом фин.-угор. **jäñkä* ‘болото, топь, болотистое место’). Коми *егыр* участвует в топонимообразовании Республики Коми: см., например, бол. **Баня-Ёльегыр**, бол. **Лэпьюегыр**, бол. **Мичаегыр**, р. **Дзоля егырь ёль**, р. **Егыра куш ёль**. Очевидно, источником для прикамского рус. *егер* (*егерь*) послужили указанные выше лексемы верхне-вычегодского диалекта коми-зырянского языка или северного наречия коми-пермяцкого языка, иначе сложно объяснить отсутствие сходных данных в русских говорах на территориях, смежных с Прикамьем. По вокализму в инлауте прикамскому апеллятиву более близка верхне-вычегодская лексема, однако на коми-пермяцкое происхождение может косвенно указывать тот факт, что до освоения территории будущего Соликамского уезда на большей его части проживали носители припермского диалекта северного наречия и усольского диалекта южного наречия коми-пермяцкого языка. Усвоенная от них субстратная лексема не получила широкого распространения в местных русских говорах, но, судя по «Словарю русских народных говоров», с миграционными потоками была занесена и в зауральский Красноуфимский уезд. В современных источниках по русским говорам Прикамья данный диалектизм не зафиксирован.

Лексема *сёрд* отмечена в «Словаре географических терминов в русской речи Пермского края» Е. Н. Поляковой в иллюстрации к слову *яг*: «По грибы я на сёрд хожу да на яг» (записано в селе Коса). Судя по тому, что рус. *яг* наделено семантикой ‘лес’, а его потенциальный этимон – коми-перм. *яг* – семантикой ‘молодой сосняк; пихтовый лес; бор || боровой’, слово *сёрд* также может

служить обозначением некоего лесного массива. В локальной топонимии диссертантом записаны многочисленные географические названия с данной основой: например, поле *Сёрдыб* у д. Очго-Кошелева Чердынского р-на, луга *Сёрдыб* и *Подсёрдыб* у н. п. Крымкор Чердынского р-на и др. (к финали топонимов см. коми-перм. *ыб* ‘поле || полевой’). Фиксируемый на более обширной территории коми термин *сёрд* имеет семантику ‘топь; топкое торфяное место; низинный ельник за полями’, см.: д. *Сёрд* (Сыктывд.), д. *Сёрд* (Сысол. – дважды), д. Шиляево (= *Сёрдла*) (Удор.), руч. *Сёрдьель*. Кроме того в языке коми представлен географический термин *сьорт* ‘речная долина, поросшая лесом; сырое место в долине реки, поросшее лесом’, также проявляющийся в топонимии Республики Коми: *Сёрт* (= *Сертская*) – н. п. (в разное время – починок или деревня) на территории гор. Сыктывкар, руч. *Сертьель*. Известны сходно звучащие коми лексемы: 1) коми-зыр. *сьорт*, нижн.-вычег., удор. *сӧрт* ‘речная долина, поросшая густым еловым лесом’; 2) коми-зыр. *сёрд*, верх.-вычег., нижн.-вычег., присыкт. ‘еловый лес в низменности’, присыкт. ‘лес позади полей’, удор. *сӧрд* ‘пастбище для скота в лесу’, коми-язьв., коми-перм. кочёв. *сӧрд* ‘задняя часть какой-нибудь площади (полатей, поля)’, коми-перм. сев. *сёрд* ‘дальний, по представлениям местных жителей, участок земли: дальнее поле, дальний лес, задворки, кулички’. Второе гнездо лексем возводится этимологами к общекоми **s'ord*.

В связи со словом *сёрд* следует упомянуть о рус. *сорд*. Семантика слова *сорд* – ‘роща’ – реконструирована на основе материалов топонимии и прикамских памятников XVII в., так как современным русским говорам Верхнего Прикамья данная лексема неизвестна в апеллятивном употреблении. В прикамской письменности анализируемая лексема зафиксирована в соликамском акте, датированном 1641 г., см.: «В вѣре тому Роде пожни присадные мѣста кошебные мѣста на Бадьякиче над Велвою-рекою оприч сорда». В местной топонимии отмечены: бывш. дд. *Сам-Сорд* и *Октыль-Сорд* в Косинском р-не; бывш. д. *Сордва* в Чердынском р-не; *Сорд*, *Сорд увт*, *Сорд вевдӧр* в Кудымкарском,

Кочёвском р-нах и мн. др. Топонимия Республики Коми располагает многими примерами: д. *Сорд*, д. *Сорд* (= *Вылдор-Серд*, *Улдор-Серд*), д. *Сордйыв*, поч. *Сордьюмодпон* (Сысол.), д. *Сорд*, поч. *Сорд-Кордон* (Прилуз.), бараки *Сордвомын* (Удор.), д. *Сордйыв* (= *Сорд-Ыв*, *Сорд-Ивская*, *Сорд-ильская*) (Усть-Кулом.), бараки *Сордьёль*, ж.-д. станция *Сордью* по левую сторону р. *Сордью*, пос. Чуб (= *Сордью-Чуб*) (Княжпогост.). Прикамское рус. *сорд* можно рассматривать как восходящее к коми-пермяцкому субстрату, ср. упомянутую выше топонимию на территории Коми-Пермяцкого округа. Также в топонимии отражён пермский географический термин: коми-зыр. *сорд* ‘разновидность леса (роща?)’, удм. *сурд* ‘роща’ (диал. ‘лес’) из общеперм. **sõrd* ‘вид леса’.

Несмотря на формальное сходство рус. *сёрд* и *сорд*, а также частичное совпадение ареалов их распространения, эти слова следует возводить к разным коми этимонам, которые в свою очередь вряд ли родственны в силу отличий на уровнях фонетики и семантики.

При анализе отдельных лексем существующие этимологические решения дополняются (например, анализ лексемы *пырóm*) или пересматриваются (например, *урот*).

Слово *пырóm*, записанное в Красновишерском р-не, определено в разных источниках как ‘место под пнём или под деревом в снегу, где сидит соболь’ и – шире – ‘укрытие, образуемое поваленными деревьями, кустарником, занесённое снегом’. Отрывки диалектной речи в «Акчимском словаре»: «Попалса ему [охотнику] след у куницы. Он за ней погнался. А она в эти наваленные деревья прыгнула. Он говорит: куница ушла в пыром»; «Пыром – буря прошла, наломало кучу деревьев, зимой всё снегом навалило»; «В пыром полезли, в снег-то, под пень, под колоду. Пыром это». В Красновишерском р-не известен микропоним *Ва Пором* (= *Ва паром*), обозначающий место, где р. Молмыс уходит в землю. А. С. Кривощёкова-Гантман сравнивает рус. *пыром* с

коми-язьвинским материалом³, что, очевидно, обусловлено ареалом, ограниченным Красновишерским районом, ср. коми-язьв. *пөрнө* ‘заходить, зайти; проникать, проникнуть (например, вода в лодку), воткнуться (например, топор в дерево)’. При принятии этого сопоставления требуется уточнение, что этимологом для русской лексемы послужила причастная форма, оформленная продуктивным в коми-язьвинском наречии суффиксом причастия и второго прошедшего времени (результативного) *-өм*⁴. Форма *пөрөм* не отмечена источниками по коми-язьвинскому наречию, но сходное слово сохранилось в современном коми-пермяцком языке, ср. коми-перм. *пырөм* прич. от *пырны* ‘заходить, зайти, входить, войти’, ‘лезть, влезть, залезать, забираться; пробираться’, ‘проникать, просачиваться’ и др. Таким образом, кроме коми-язьвинского (адстратного) влияния следует учитывать возможность субстратного влияния северных коми-пермяцких диалектов. Коми-перм. и коми-язьв. лексемы совместно со сходными по семантике коми-зыр. *пырны* и удм. *пырыны* исконны в пермской языковой семье и восходят к общеперм. **pir*.

Лексемы *урот*, *уротина* записаны в Верхнем Привышерье – в н. п. Акчим, Усть-Улс, Писаная Красновишерского р-на – в значении ‘долина (распадок, лощина) между горами, ведущая к перевалу через хребет’. В топонимии Северного Урала см.: *Сольвинский Урот*, *Еловский Урот*, *Кондорский Урот*, *Сосьвинский Урот*, *Ходовинский Урот*. Е. Н. Полякова в «Словаре географических терминов в русской речи Пермского края» в качестве этимона предложила данные саамских языков, ср. саам. терск. *ur̄d̄t̄e*, кильдин. *ur̄d̄t̄*, имандр. *urt* ‘скалистая гора’, ‘возвышенность’, ‘горный хребет’. Известен подобный семантический переход, связанный с распространением лексемы с северо-запада на юго-восток Европейской части и далее за Урал (фин., кар. *tunturi* ‘высокая безлесная гора’ > рус. диал. *ту́ндра* ‘то же’ > ‘северные степи’ > ‘болото’ > ‘торфяная почва’), однако предлагаемая саамская этимоло-

3 Кривощёкова-Гантман А. С. Указ. соч. С. 53–54.

4 Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961. С. 67–69, 73.

логия неприемлема фонетически: известно, что указанные саамские лексемы адаптированы русским языком (а именно русскими говорами Белозерья) как *урэдь*. Более того, лексема *урот* неизвестна говорам севернорусского наречия, а в Прикамье имеет узкий ареал с чёткими изоглоссами, что подталкивает к выводу о её субстратном происхождении. Приемлемым представляется сравнение рус. *урот* ‘лощина между горами, проход через хребет’, отмеченного в ареале несомненно мансийского субстрата (Акчим, Усть-Улс, Писаная Краснов.), с материалами диалектов манси, ср. манс. сев. *ur-vāta*, ср.-лозьв. *ur-vət* ‘склон горы’.

В нескольких случаях новейшие русские диалектные источники расширяют ареалы распространения заимствований и наши представления о влиянии автохтонных финно-угорских наречий на русские говоры Приуралья.

Так, слово *туман* ‘озеро’ в пределах исследуемого региона зафиксировано в говоре д. Акчим Красновишерского р-на, что нашло отражение в шестом – заключительном – выпуске «Акчимского словаря» (2011 г.). Сходный топонимический материал в Верхнем Прикамье распространён южнее, чем апеллятивный: поля *Туман*, *Туманова Гарь* у д. Вершинино Кочёвского р-на; *Туменные поля* у д. Чигироб Соликамского р-на. Та же лексема в русских говорах смежного Северного Зауралья известна в значении ‘озеро, образованное разливом реки; проточное озеро’ (северо-восточные районы Свердловской области, по р. Тавда). Также названия озёр в том же регионе: *Пелымский Туман*, *Турсунтский Туман*, *Вагильский Туман*, *Сатыгинский Туман*, *Средне-сатыгинский Туман*, *Леушинский Туман*. На смежной территории также известен *Шаимский Туман* (Кондин. Ханты-Манс.). Записанная в д. Акчим лексема – субстратного мансийского происхождения, ср. манс. сев., ср.-лозьв., нижн.-лозьв., пелым. *tutén*, кондин. *totén*, *tutén* ‘озеро, через которое протекает река’. В этой связи примечательно название *Туменные поля* в смежном микроареале (см. выше), отражающее вокализм слова-источника. Топонимия,

зафиксированная в Кочёвском р-не, может быть поздней и связанной не с мансийскими лексическими данными, а с рус. литер. *туман*.

Результаты проведённого во втором разделе анализа представлены в третьем разделе в виде словарных статей, каждая из которых содержит лексему с указанием наиболее общей семантики, ареала внутри исследуемого региона и предполагаемого языка/диалекта, послужившего источником.

В главе 3 **«Выводы: адаптация неисконной лексики, стратификация заимствований и типы финно-угорского субстрата в русских говорах Верхнего Прикамья»** подводятся итоги исследования. На основе проанализированного материала проведена примерная хронологическая стратификация заимствований и сделана попытка установления их центральных ареалов, рассмотрены различные вопросы адаптации лексики финно-угорского происхождения русскими говорами Верхнего Прикамья (фонетическая субституция и адаптация, акцентологическая адаптация, морфологическое освоение, словообразование и деривационная активность заимствований, взаимодействие в области семантики), впервые дифференцированы типы финно-угорского субстрата в русских говорах Верхнего Прикамья.

Среди всей совокупности проанализированного материала наблюдается примерно равное соотношение местной субстратной лексики и лексики, являющейся севернорусским наследием, то есть усвоенной русскими до колонизации Урала. Диахронное сопоставление показывает, что не всегда субстрат относится к результатам позднего взаимодействия, а лексика, заимствованная в русские говоры до миграции на Урал, – к более отдалённым во времени результатам языковых контактов. Совокупность лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья представляет собой пёструю по происхождению и разновременную в диахронии мозаику, отдельные части которой можно найти в том или ином микроареале Прикамья.

Лексика финно-угорского происхождения, вошедшая в русские говоры на Северо-Западе России и распространившаяся далее в юго-восточном

направлении (иногда фрагментарно – на запад до Прибалтики и на юг до Верхнего и Среднего Поволжья), иначе говоря – ставшая интердиалектной (см. *во́рга* ‘просека в лесу’, *ку́рья* ‘речная старица без сквозного водного прохода’, *лы́ва* ‘лужа’, *ня́ша* ‘сырое, топкое место, грязь’, *со́гра* ‘низина, сырое место’, *сузём* ‘глухой, труднопроходимый дальний лес’, *ту́ндра* ‘верховое болото; болотистая, торфянистая почва’, *хо́луй* ‘место наноса на реке, прибрежном лугу во время половодья веток, кустов, деревьев’ и др.), сложно поддаётся этимологизации, в особенности если такая лексика отмечена ранними памятниками русской письменности (начиная с XIV в.). Это обусловлено отличием финно-угорских идиомов прошлых эпох от их нынешнего состояния (а также забвением многих из них) и размытыми в русских говорах границами центрального ареала неисконного явления.

Выпускаемые русские диалектные словари, как правило, содержат подробные географические пометы, что если и не способствует точной этимологизации неисконных данных, то, по крайней мере, намечает пути этимологических поисков, позволяя сузить центральный ареал неисконного явления до границ отдельного говора, а также очертить некоторые области, внутри которых проявляются непрерывные диалектные континуумы. Диахронии исследования способствуют повсеместные датировки записей в «Словаре русских народных говоров» и его картотеке, фиксации диалектных слов в региональных памятниках письменности, частично – ономастика региона.

В соответствии с субстратными типами, предложенными С. А. Мызниковым для русских говоров Северо-Запада (см. выше), в русских говорах Верхнего Прикамья также можно выделить несколько типов финно-угорского субстрата (на основе проанализированных в главе 2 диалектных данных).

В отдельный субстратный тип выделены явные заимствования из коми языков, но без возможности точной их идентификации, ввиду формального и семантического сходства предполагаемого этимона в коми языковом массиве (коми-зырянские и коми-пермяцкие диалекты, включая коми-язьвинское наре-

чие). Такие заимствования могут являться: 1) севернорусским (чаще всего – верхнесеверодвинским, поморским или печорским) наследием коми-зырянского происхождения, относящимся к различным временным отрезкам; 2) результатом сравнительно раннего (XV–XVIII вв.) местного русско–коми-пермяцкого взаимодействия (и тогда, при частотности подобных фиксаций, вряд ли возможно установить ядро заимствования/субстрата); 3) относительно поздним коми-пермяцким субстратом (имеющим ограниченное распространение, поэтому источник в подобных случаях иногда поддается идентификации); 4) относящимся к XVII–XIX вв. коми-зырянским (ижемским/печорским) суперстратом, так как известно о перемещениях из Поморья не только русских, но и коми-зырян. По этой причине также невозможно с точностью установить является ли заимствованная русская единица субстратным наследием, а если всё же является таковой, то относится к субстрату полного или неполного типа. Примеры: *кэрос* ‘поляна в лесу на месте вырубки’ из коми-перм. или рус. слово-мигрант из печорских говоров, ср. омофоничные на русский слух коми-зыр., коми-перм. *керас* ‘вырубка; зарубка’ и коми-зыр., коми-перм. *керѳс* ‘возвышенность, гора, иногда покрытая лесом’, открывающие широкие возможности для контаминации; *лáста* ‘заливаемый во время половодья луг на берегу озера или в пойме реки’ из коми-перм. диал. или коми-зыр. диал., ср. коми-зыр. *ласта* ‘низменность, равнина, низменный, равнинный луг’, ‘луг, лужайка, лужок’, коми-язьв. *лáста* ‘ровная заливная пожня’, коми-перм. *лáста видз* ‘равнинный, низинный луг’, *лáста турун* ‘сено с низинного, мягкая трава с сырых мест’ (иньв. *вáста*).

Сходная проблема также затрудняет дифференциацию коми-пермяцкой субстратной лексики на северную и южную. Чаще всего такая субстратная лексика может быть сравнима с данными современных коми-пермяцких наречий, без возможности установления источника (диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка, диалекты южного наречия коми-пермяцкого языка, коми-язьвинское наречие). В зависимости от места взаимодействия можно лишь

предполагать, какой коми-пермяцкий субстратный идиом послужил источником русских лексем и является ли данный субстратный тип полным или неполным. Примеры: *арай* ‘низменное сырое место’, ср. коми-зыр, коми-перм. *арай* ‘трясина, топь; сырое кочковатое место, ложбина, занимаемая в половодье водой; сырой болотистый луг’; *бадьякич* ‘поросший ивой изогнутый участок округлой формы’, ср. коми-перм. *баддя* ‘поросший ивой’ и *кытиш* ‘круг; петля’; *кушка* ‘луг, поляна’, ср. , коми-зыр. *куш* ‘пустой, голый, оголённый; пустырь, пустое и голое место’ (диал. ‘поляна, полянка, голое место’, ‘безлесное болото’), коми-перм. *куш* ‘голый; обнажённый’, ‘лысый’, *кушин* ‘плешина, безлесное место; вырубленный участок, вырубка’; *позмог* ‘вязкое, топкое место в пойме реки’, ср. коми-зыр. удор. *позмөгасьсьыны* ‘застрять, задержаться где-либо’; *шор* ‘небольшая речка, ручей’, ср. коми *шор* ‘ручей || ручьевой’; *яг* ‘лес’, ср. коми *яг* ‘бор’ (коми-зыр. диал. ‘сосняк (на песчаной почве)’, ‘сухое плоскогорье с сосняком’, ‘лес’, коми-перм. ‘молодой сосняк; пихтовый лес; бор || боровой’, коми-перм. диал. ‘кладбище’) и др.

Северо-коми-пермяцкий субстратный тип распространён преимущественно на территории исторической Перми Великой (в низовьях камской Вишеры и прилегающих прикамских территориях), то есть на территории изначального освоения Западного Урала носителями русских говоров. Данный субстратный тип также может быть полным/неполным: если заимствование распространено в северо-коми-пермяцком ареале (Гайнский, Кочёвский, Косинский р-ны Пермского края) и может быть сопоставлено с живыми диалектами и говорами северного наречия коми-пермяцкого языка, то оно относится к субстрату неполного типа (*вад* ‘озеро’, ср. коми-перм. *вад* ‘лесное озеро (с заболоченными берегами)’; *сёрд* и *сорд*, см. выше), однако если коми-пермяцкое заимствование распространено исключительно в Чердынском, Красновишерском и/или на севере Соликамского р-на и иногда не может быть точно сопоставлено с материалом живых коми-пермяцких диалектов (но при этом часто сравнимо с верхне-вычегодской лексикой коми-зырянского языка), то оно относится к субстрату

полного типа (*куртяп* ‘глубокое место, омут, особенно под обрывом, скалой, перекатом’, ср. коми-зыр., коми-перм. *кыр* ‘береговая круча, обрыв, крутой обрывистый берег’, печор. *кырт*, *кырта* ‘скалистое обнажение’, удор. *кыртас* ‘крутая скала’, коми-перм. *кырас* ‘обрыв, крутой (обрывистый, высокий) берег’; *оль* ‘редкий невысокий лес, чаще чернолесье (ель, пихта), реже березник на низких сырых местах’, ср. коми-перм. *оль* ‘берёзово-еловый лес на заболоченных кочковатых низинах’, ‘сырое, болотистое место’, коми-зыр. *оль* ‘согра, сырое травянистое место с мелким лесом’; *урдым* ‘неширокая лесная дорога для вывозки леса’, коми-зыр. *ордым* (вым., ижем., нижн.-вычег., печор., присыкт., ср.-сысол., удор.), *ордiм* (верх.-вычег.) ‘тропинка, лесная дорога; просека’; *чурóк* ‘невысокое скалистое возвышение’, ср. коми-зыр. устар. *чурк* ‘бугор, возвышающееся неровное место’). Очевидно, до русской колонизации территорию современных Чердынского, Красновишерского, отчасти Соликамского р-нов населяли коми, чей диалект занимал промежуточное положение между северными коми-пермяцкими диалектами (косинско-камским, мысовским, верх-лупьинским), коми-язьвинским наречием и южными коми-зырянскими диалектами (верхневычегодским и (верхне-)печорским). Этот исчезнувший северный диалект коми-пермяцкого языка назван Р. М. Баталовой припермским⁵.

Лексемы, фиксируемые в различных частях Верхнего и Среднего Прикамья (в Соликамском, Усольском, Добрянском, Карагайском, Ильинском, Верецагинском, Сивинском, Очёрском, Нытвенском, Пермском, Оханском, Кунгурском р-нах, а также в южных районах Коми-Пермяцкого округа – в Кудымкарском, Юрлинском и Юсьвинском) и относимые к южно-коми-пермяцкому субстратному типу, могут быть сопоставлены с материалом южных диалектов коми-пермяцкого языка. Кроме воздействия живых диалектов коми-пермяцкого языка, оньковского, нижнеиньвенского, кудымкарско-иньвенского и нердвинского (*бу́ждам* ‘обрыв на берегу реки’, ср. коми-перм., коми-зыр. *буждõм*

5 Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975. С. 7.

‘обвалившийся, осыпавшийся берег’; *ваберга́ч* ‘водоворот, воронка в реке’, ср. коми-перм., коми-зыр. *вабергач* ‘водоворот, воронка в реке’; *о́ктас* ‘место в лесу, расчищенное от деревьев под пашню; подсека’, ср. коми-перм. *окта́с* ‘подсека, очищенное от деревьев место в лесу’, также коми-зыр. луз. *октас* ‘подсека, росчисть’, ср.-сысол. *октыс* ‘засека, место после вырубki леса’), уместно здесь учитывать возможность влияния со стороны субстратных южных диалектов коми-пермяцкого языка – усольского, обвинского, сивинского, карагайского и др. (*ме́гель* ‘луг у места слияния двух рек’, ср. коми-зыр. диал., коми-перм. устар. *мег* ‘излучина реки’; *норос* ‘изгиб реки, обычно длинный’, ср. коми-зыр. удор. *но́рыс*, лет. *но́рös* ‘излучина, крутой поворот, изгиб реки’). В первом случае можно говорить о южно-коми-пермяцком субстрате неполного типа, во втором – о субстрате полного типа.

На материале лексики ландшафта выявлен также мансийский субстратный тип, но существуют трудности в определении данного типа как полного: более всего в данном случае подошло бы понятие «неполный (стремящийся к полному)», так как предполагаемые субстратные мансийские лексеммы сопоставимы с материалом тех или иных живых мансийских диалектов, однако они редко могут быть возведены к определённым мансийским словам. Намечено два микроареала безусловного мансийского влияния на говоры Верхнего Прикамья. Первый микроареал (северный) включает в свои пределы верховья Колвы и Вишеры, бассейны Яйвы и Косьвы; второй микроареал (южный) простирается на большую часть бассейна Чусовой и отчасти на бассейн Сылвы. Северный микроареал следует связывать с влиянием субстратных чердынского и усть-улсуйского диалектов мансийского языка, а южный микроареал – с влиянием субстратных кунгурского, сылвенского и чусовского диалектов мансийского языка. Все эти приуральские диалекты манси не дожили до наших дней, но известно, что они были тесно связаны с пелымским, средне-лозьвинским, нижне-лозьвинским, отчасти также с северными диалектами ман-

сийского языка⁶: *соим* ‘ельник, растущий у ручья в условиях избыточного увлажнения’, ср. манс. сев. *sājēm, sōjim* [*sōjem*], пелым., ср.-лозв. *sōjim* ‘ручей’ (в сев. также – ‘заболоченный лес’, а в пелым. – ‘лес вдоль ручья’); *тулым/тулум* ‘порог, скопление больших камней в русле реки’, ср. манс. *tūlēm* ‘тучный’ (*тулым* – из манс. черд. / манс. усть-улс., *тулум* – из манс. чусов.); *туман* ‘озеро’, см. выше; *у́рот* ‘лощина между горами, проход через хребет’, см. выше.

В финно-угорском субстратном языковом ландшафте русских говоров Верхнего Прикамья, кроме различных финно-угорских субстратных типов выделяются субсубстратные типы, финно-угорские и, очевидно, тюркские.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования и формулируются основные выводы.

К наиболее существенным лингвистическим результатам возможно отнести то, что в исследовании предпринята попытка систематизации и комплексного анализа финно-угорской по происхождению ландшафтной лексики в русских говорах Верхнего Прикамья с учётом материалов письменных памятников, топонимии и русских говоров, а также введены в научный оборот новые сведения по русским говорам Прикамья.

Отмечается, в частности, что в диссертации на материале ландшафтной лексики представлен первый опыт ареальной дифференциации и хронологической стратификации типов финно-угорского субстрата в русских говорах Верхнего Прикамья.

По материалам исследования выявлены районы Пермского края, где в настоящее время фиксируется финно-угорский субстрат: Гайнский (припермский диалект коми-пермяцкого языка), Чердынский (припермский диалект коми-пермяцкого языка и чердынский диалект мансийского языка), Крас-

6 Подробнее см.: Pápay I. Reguly Antal urali térképe // Földrajzi közlemények. 1906. K. XXXIV, f. 9. O. 367–368; Kannisto A. Ein Wörterverzeichnis eines ausgestorbenen wogulischen Dialekts in den Papieren M. A. Castréns // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1913–1918. XXX, 8. S. 16–17; Матвеев А. К. Ономатология. М., 2006. С. 244.

новишерский (усть-улсуйский диалект мансийского языка, коми-язьвинское наречие и неизвестный коми идиом, переходный между пермяцкими и зырянскими), Соликамский, Усольский (усольский диалект коми-пермяцкого языка), Добрянский (неизвестный идиом южного наречия коми-пермяцкого языка), Карагайский, Ильинский, Оханский (обвинский и карагайский диалекты коми-пермяцкого языка), Сивинский (сивинский диалект коми-пермяцкого языка), Александровский, Кизеловский, Губахинский, Чусовской, Лысьвенский, Кунгурский (кунгурский, сылвенский и чусовской диалекты мансийского языка).

Таким образом, на основе лингвистических результатов в исследовании реконструируется фрагмент лингвоэтнической карты Верхнего Прикамья, отражающий состав и локализацию групп финно-угорского населения Прикамья на период, предшествовавший их обрусению. Выводы об интенсивности и границах финно-угорских субстратных типов в Верхнем Прикамье нашли отражение на картах в **Приложении**. Так, например, на карте 2 показаны ареалы современных финно-угорских идиомов Прикамья вместе с примерными ареалами различных финно-угорских субстратных типов, выявленными в ходе анализа материала.

Основные положения и результаты диссертации отражены в следующих публикациях.

Статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Гайдамашко, Р. В. К этимологии русских диалектных слов Прикамья: *егер, пурга, сёрд, туман* [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2013. — Вып. 4 (24). — С. 57–62.

2. Гайдамашко, Р. В. О севернорусской лексике финно-угорского происхождения в пермских говорах (на материале тематической группы «Ландшафт») [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Севернорусские говоры : межвуз. сб. — Вып. 12 / отв. ред. А. С. Герд. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. — С. 181–205.

3. Гайдамашко, Р. В. Академическая школа-семинар для молодых ученых «Современная русская лексикография» [Текст] / Р. В. Гайдамашко, А. А. Малышев // Вопросы языкознания. — 2012. — № 3. — С. 158–159.

Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов и периодических изданиях; тезисы докладов:

4. Гайдамашко, Р. В. О некоторых переносных значениях финно-угорских лексических заимствований в русских говорах Верхнего Прикамья [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. А. С. Герд; Ин-т лингв. исслед. — СПб.: Наука, 2007. — С. 472–477.

5. Гайдамашко, Р. В. Некоторые неисконные лексемы финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010 / отв. ред. А. С. Герд; Ин-т лингв. исслед. — СПб.: Наука, 2010. — С. 303–309.

6. Гайдамашко, Р. В. Опыт создания комплексной словарной статьи в рамках исследования «Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья» [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Современная русская лексикография : Сборник статей / отв. ред. С. А. Мызников, О. Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН. — СПб.: Наука, 2010. — С. 34–43.

7. Гайдамашко, Р. В. Финно-угорское наследие в русских говорах Камско-Колвинского поречья (на материале тематической группы «Ландшафт») [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Развитие и вариативность языка в современном мире. I / отв. ред. И. П. Кюльмоя. — Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. — С. 27–42. — (Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII).

8. Гайдамашко, Р. В. Пермская диалектная лексикография как источник новых финно-угорских этимологий [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Славянская диалектная лексикография : Материалы конференции / отв. ред. С. А. Мызников, О. Н. Крылова, И. В. Бакланова; Ин-т лингв. исслед. РАН. — СПб.: Наука, 2011. — С. 23–24.

9. Гайдамашко, Р. В. Топооснова *яран* и ненцы в Верхнем Прикамье: предварительные замечания [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Материалы XL Международной филологической конференции 14–19 марта 2011 г. Уралистика / под ред. Н. Н. Колпаковой. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. — С. 14–19.

10. Гайдамашко, Р. В. Пермская диалектная лексикография как источник новых финно-угорских этимологий (на материале субстратной лексики ландшафта) [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Современная русская лексикография. 2011 : Сборник статей / отв. ред. С. А. Мызников, О. Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН. — СПб.: Наука, 2011. — С. 30–41.

11. Gaidamashko, R. Finno-ugric substrate types in the Russian dialects of northern Kama basin [Text] / R. Gaidamashko // Graduate Conference on Areal

Linguistics, Grammar and Contacts: Abstracts. Tartu, 4–6.05.2012 [Электронная публикация]. — URL:

http://kuu.la/wiki/lib/exe/fetch.php?media=abstract_booklet_tartu2012.pdf

12. Гайдамашко, Р. В. Коми-пермяцкая лексика в русских говорах Верхнего Прикамья: вопросы дифференциации и идентификации типов субстрата [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Пермистика XIV: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками / Администрация губернатора Пермского края, Фил. ФГБОУ ВПО «Удмуртский гос. ун-т» в г. Кудымкаре, Сектор истории и культуры коми-пермяцкого народа Пермского НЦ УрО РАН ; [редкол.: В. К. Кельмаков и др.]. — Кудымкар: Филиал УдГУ, 2012. — С. 58–62.

13. Гайдамашко, Р. В. Лексика вымерших диалектов манси: об одной из возможностей частичной реконструкции [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Материалы ХLI Международной филологической конференции 26–31 марта 2012 г. Уралистика / под ред. Н. Н. Колпаковой. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. — С. 8–12.

14. Гайдамашко, Р. В. Новые данные о дистрибуции финно-угорских заимствований в русских говорах Верхнего Прикамья (по материалам Картотеки ЛАРНГ) [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012 / отв. ред. А. С. Герд; Ин-т лингв. исслед. — СПб.: Нестор-История, 2012. — С. 451–459.

15. Гайдамашко, Р. В. Проблема дифференциации апеллятивной лексики и топонимии в словаре географических терминов [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Современная русская лексикография. 2012 : Сб. статей / отв. ред. О. Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН. — СПб.: Нестор-История, 2012. — С. 87–102.

16. Гайдамашко, Р. В. К вопросу о коми-язьвинских лексических заимствованиях в русских говорах Верхнего Прикамья [Текст] / Р. В. Гайдамашко // ХLII Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.): тезисы [Электронная публикация]. — URL:

<http://phil.spbu.ru/rabochaya/konferenciya-2013-tezisy/44..docx>

17. Гайдамашко, Р. В. К вопросу о коми-язьвинских лексических заимствованиях в русских говорах: *тулым(-ник)/тулум* [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Материалы XLII Международной филологической конференции 11–16 марта 2013 года. Уралистика / под ред. Н. Н. Колпаковой. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. — С. 9–13.

18. Гайдамашко, Р. В. Комментарии к этимологиям финно-угорской субстратной лексики ландшафта в русских говорах Прикамья: *зырья, лоза* [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / отв. ред. А. С. Герд; Ин-т лингв. исслед. — СПб.: Нестор-История, 2013. — С. 119–127.

19. Гайдамашко, Р. В. Лексика прибалтийско-финского происхождения в пермских памятниках XVII – XVIII веков [Текст] / Р. В. Гайдамашко // *Studia Slavica XI* : сборник научных трудов молодых филологов «Русистика и сопоставительные исследования» / отв. ред. И. Адамсон. — Таллин: Таллинский ун-т, 2013. — С. 47–57.

20. Гайдамашко, Р. В. Пермская диалектная лексикография как источник новых финно-угорских этимологий (краткий обзор словарей начала XXI в.) [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Диалектная лексика. 2013 / отв. ред. О. Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН. — СПб.: Нестор-История, 2013. — С. 71–88.

21. Гайдамашко, Р. В. Распределённые системы управления версиями и возможности их применения в лексикографии [Текст] / Р. В. Гайдамашко // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2013: Сб. статей / отв. ред. О. Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН. — СПб.: Нестор-История, 2013. — С. 70–73.

22. Gaidamaško, R. Finno-Ugric substrate appellatives in Russian dialects of the Upper Kama [Text] / R. Gaidamaško // *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri = Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. — 2013. — № 4–2. — P. 199–216.